

Аля Мяун

НИКЧЕМНЫЙ МУЖ

УДК 82-312.9
ББК 84-445
М99

М99 **Мяун А.**
Никчемный муж / Аля Мяун – М.: Литнет, 2025. – 66 с.

ISBN 978-5-521-94650-1

За преданную службу я получила награду — мужа, никчемного полонянина, заложника, чье положение при княжеском дворе хуже, чем у курицы. Так князь разлучал меня с любимым — его старшим сыном. Не бывать Богатырь-Девнице женой княжича!

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-94650-1

© Литнет, 2025
© А. Мяун, 2025

Глава 1

Над Буйтуром летит перезвон колоколов. Не грозный набат, вещающий об опасности, а радостные праздничные переливы. Буйтурское войско возвращается с победой!

Жители высыпали на улице, дабы поприветствовать героев. И сам Великий Князь Боремир вышел на красное крыльцо, встретить рать. Без княгини — она болеет, и не может долго стоять. Да и сам князь не молод и не здоров, поэтому и не возглавляет походы, отправляя вместо себя сына.

И вот они, победители! Под шум и радостные крики толпы войско княжича Судислава вливается в распахнутые городские ворота, и движется блистающим потоком по главной улице Буйтура, к княжеским хоромам.

Впереди колонны всадник, держащий стяг княжества — с изображением яростного тура; за ним командиры: сам Судислав, или Судиша, как его все называют, и я, его правая рука, богатырь-девица Богданка. Мы оба любимы народом, и горожане, стоящие на улицах, и бегущие следом за войском, выкрикивают наши имена. Что не совсем справедливо — куда мне тягаться с княжичем, богатырем и героем, могущим ударом кулака свалить коня!

Лицо Судислава, почти скрытое треугольным, низко надвинутыми шлемом, и бармицей, защищающей шею и верх груди, выражает строгость и важность, как и положено челу грозного воина. Но я знаю, вижу по дрожащим уголкам губ, что он едва сдерживает улыбку; что ему льстит народная любовь; и он счастлив вернуться домой.

И я рада! Изматывающий поход, длившийся девять месяцев, и кровопролитные битвы позади! Родной город, родные хоромы батюшки Боремира и матушки Явнuty! Пусть я им и приемная, но ближе и дороже никого нет! Разве только Судиша...

И тоже сдерживаю улыбку – богатырь-девица славиться крутым и суровым нравом! Вот и неча лыбиться на весь честной народ!

Смотрю на сияющие из под шлема синие глаза Судислава, и сердце замирает от шальной радости. Перед возвращением домой он сказал, что поговорит с отцом. Все же знают, что мы неродные... Почему бы и не посвататься?

Воины, следующие за нами, тоже радуются, скрывая улыбки под суровой усталостью. Даже пешие ратники ускорили ход, хотя они умаялись больше нашего – чай, на своих двоих версты меряют, не на лошади.

Проезжаем мост через речку Кунью, разделяющую город пополам. Слышала от стариков, что раньше граница Буйтура тут и была, по реке. Теперь город разросся, и Кунья оказалась посередке.

Вот и наши хоромы! Великий Князь с улыбкой и гордостью во взгляде смотрит на войско, которое его приветствует. Мы с Судиславом спешиваемся и кланяемся до земли...

Судиша делает шаг вперед, и докладывает князю о победе. Доклад для вида, князь, как и все, уже знает подробности.

Но надо делать, как положено. Боремир благодарит княжича и рать, отпускает войско на отдых, пообещав закатить в ближайшие дни и для них, и для всего народа «пир на весь мир».

– Ну, Богданка, – произносит Буремир, поднимая меня – какую важную птицу пленила нынче?

– Никакую! – виновато вздыхаю я – В этот раз князь Черновский Умил убит, а его жена и дети утекли!

Князь не сердится, смеется. Потому что, и без важных пленников мы много добра привезли. Черново- богатый город. Был. Теперь сожжен дотла.

На крыльцо, поддерживаемая под руки девками, выходит княгиня-матушка. Мое сердце щемит от жалости – как она сдала за эти девять месяцев! Постарела, и почти совсем идти не может.

Судиша кидается к ней, обнимает. Матушка тоненько причитает и плачет.

– Мама, ну ты чего? – бормочет княжич – Я вернулся! Не ранен, не убит! И Богданка жива здорова!

Судислав поворачивается ко мне – иди мол, обними матушку. Делаю шаг и...

– Сыночка мой! – ласково произносит Явнута – Не могу стоять, ноги болят! Вернусь к себе на половину! А ты как с отцом закончишь, приходи! Буду ждать!

– Приду, мама, конечно приду! – отвечает Судиша.

А матушка уходит, даже не взглянув на меня.

Что? Почему? Явнута и раньше особой любви ко мне не проявляла, не родная же. Но что бы так? Будто и нет меня...

Тревога холодной лапой сжимает сердце... Неужели она злится, узнав про нас с княжичем?

Едва успеваю заскочить в свою светелку, переодеться в сарафан (матушка не любит, когда я хожу по дому, одетая как мужик), и пообниматься с подружкой моей, девкой Айкой, с которой так долго не виделись, как Великий Князь призывает к себе. Интересно зачем? Что бы наградить?

Нахожу Боремира в передних покоях, недовольным и нахмуренным. Да что такое? Что могло случиться за час, пока мы не виделись? Радовался же!

Однако, разговор князь начинает спокойно и даже ласково. У-фф! Показалось мне, что батюшка сердится!

– Ты молодец, Богданка! Богатырша! – произносит он – Вот думаю, как тебя наградить за преданную службу?

– Не надо наград, батюшко! – склоняюсь в поклоне – Не за награды и почести радею, а за землю родную, и за тебя, Великий Княже!

Боремир молчит, и рассматривает меня.

– Сколько тебе лет? – спрашивает он – Восемнадцать? Запомнил я!

– Да, батюшка, восемнадцать!

– Замуж давно пора! А ты все воюешь!

Мое сердце забилося часто-часто, как заячий хвост... А лицо горит, залилось краской. Выходит, Судиша с отцом поговорил! И сейчас...

– Так что, хватит в походы ходить, и в битвах биться! – заявляет князь – Пора свою семью занять! Ты женщина, жёнка, а не мужик-воин! Будешь в тереме сидеть, и мужа с войны ждать!

С князем я не согласна, подвиги свои богатырские бросать не собираюсь и после замужества! Станем вместе с Судиславом в походы ходить! Но с батюшкой не спорю – главное, чтобы согласие на наш брак дал!

– Я нашел тебе подходящего супруга! – говорит князь – И не кого-нибудь, а сына княжеского, Мирко!

– Кого? – таращусь я на Боремира.

– Миро, последнего сына князя Доброчаньского Всеволода!

– Он же... – ахаю я.

Шутит, что ли, батюшка?

Бормочу:

– Мирко заложник, полонянин... Княжич, но бывший!

– А ты хочешь замуж за настоящего? За сына Великого Князя? – рявкает Боремир, и бьет кулаком по столу. Так, что стены дрожат.

Сердце отважной богатырши ухает в пятки.

– Не смею, батюшка... – бормочу, уставившись в пол.

Страшен Великий Князь в гневе – лицо красное, глаза метают яростные молнии. И сил у него, несмотря на многие лета, еще не меряно! Лучше не спорить!

– Ишь, чего удумали! – продолжает орать Боремир – Ты мне как дочь, а Судяша тебе как брат! Брат с сестрой! Опозорить меня хотите, на весь белый свет?

Бросаюсь на пол, и чуть ли не бьюсь лбом.

– Прости, батюшка! Прости неразумную!

– Вставай! – уже спокойно говорит князь.

Встаю, глаза в пол, и носом хлюпаю...

– Позовите Мирко! – кричит Боремир слугам.

И опять поворачивается ко мне.

– Чем недовольна? Муж молодой, не старик, и собой хорош. Княжеских кровей! Разве я о тебе не позаботился?

Благодарить князя нет сил. Если начну говорить, то расплачусь.

Дверь открывается, и в покои входит проклятый полонянин Мирко, сопровождаемый запахом хлева. А как он еще может вонять, если живет в курятнике? Кланяется князю, и так и остается, с опущенной головой.

– Проходи, княжич, не стой у порога! – добродушно приглашает Боремир.

Миро поднимает голову, смотрит на князя, потом на меня. При взгляде на меня в его глазах мелькает нехорошее... Да и я радости и приветливости не выказываю.

Мирко делает несколько шагов, останавливается.

– Садись! Выпьем меда! – говорит батюшка, показывая на стол.

Миро удивленно хлопает глазами, и садиться. Тихонько так, осторожно... Подвоха ждет, видать.

Князь пододвигает ему наполненную чашу, но Мирко только косится на нее, не берет – верно боится, что отравят.

– Думаю, – произносит князь – хватит тебе жить полоняником! Княжич, все таки. Проиграл твой отец мне в битве, и княжества вашего нету больше. Теперь это часть нашего, Великого Буйтурского!

Мирко молчит, потупив глаза. Что он думает по поводу гибели отчего края – неведомо. Хотя, когда его, пленного, везли в Буйтур, плакал по своему княжеству, и родным, как баба. Тьфу!

– Я зла за смуту и неподчинение не держу! – продолжает батюшка – Хочу, что б ты, единственный оставшийся потомок мужеского полу Доброчаньского княжеского рода, вошел в мою семью!

Мирко глядит на князя с изумлением, затем встает, кланяется, произносит:

– Спасибо за добрые слова, Великий Княже!

– Хочу дочку свою приемную, Богданку, за тебя выдать! – заявляет Боремир.

Полонянин стоит как столб, ничего не говоря.

– Согласен ли ты, княжий сын Мирослав, дочку мою, Богдану, замуж взять? – вопрошает Великий Князь.

Мирко продолжает молчать, но теперь его взор обращен на меня. Во взоре вопрос – чего-о-о? И ответ – чур меня! Изыди, нечисть!

«Не соглашайся! – мысленно велю я – Не должен согласиться! Я виновата в твоей бедственной судьбе! Я тебя захватила в прошлом походе, и в полон увела! Я! Не соглашайся!»

– Еще вот о чем я подумал! – произносит князь – Куда ты женку молодую приведешь? Ни кола, ни двора!

– Это так, батюшка! – кивает полонянин – Некуда!

– Поэтому, дарю я вам с Богданкой новый дом! – продолжает князь – Тот, что на берегу Куньи! Для сына строили, но пусть дочке будет! Как приданое! Однако, отдаю тебе! Мужик должен в доме хозяином быть!

Мирко снова бухается на колени, да и мне приходится. Благодарим Великого князя чуть ли не хором...

– Ну так что? Будет твое согласие на женитьбу? – повторяет вопрос князь.

– Согласен, батюшка Великий Князь! – говорит Мирко, не поднимаясь – Спасибо за милость твою, великую!

«Ах ты гад! Ну погоди! Я тебе устрою! Не доживешь до свадьбы, идолище поганое!»

– Ну полно, полно! – все также ласково произносит Боремир, поднимает Мирко, и снова показывает на стол – Выпьем меда за сговор!

На этот раз княжич не отказывается, и они с батюшкой осушают чаши.

Глава 2

Князь отпускает Мирко радоваться, а мне велит остаться.

– Отныне, – произносит он, вытирая усы – ты отвечаешь за Миро! Следи, что б он был жив-здоров, и что бы не утек. Княжич нам нужен!

Теперь ясно... Выдавая меня замуж за полонянина, великий князь убил двух зайцев – и сына от соблазна избавил, и к Мирко согладая приставил...

– Но зачем, батюшка? – осмелилась поинтересоваться я – Зачем полонянин нам?

– Не спокойно на Руси, Богданка! – отвечает батюшка – Сама видишь! Есть князья, которые не хотят объединяться под моим началом! Да и союзники наши так и норовят верх взять, и других себе подчинить. Со всеми не навоюешься! А Мирослав пусть заложником и остается! Что бы мать его, княгиня Волгава, не удумала войско собирать, да на нас войной идти! И что бы люд доброчаньский не смел бунтовать! Княжича своего они любят, и жалеют, поэтому, поостерегутся беду на него навлекать. И еще – пусть все, и враги и други видят, как мы к пленным князьям относимся! В семью берем! Поняла, Богдана, какая на тебе ответственность?

– Поняла, батюшко! – смиренно бубню я.

– Распорядись, что б перед свадьбой в баню его сводили! – велит князь на прощанье – Воняет, как боров!

Только выйдя из покоев батюшки, могу дать волю своим чувствам – обиде, злости, и ярости!

И иду в курятник.

Мой будущий муж, с довольной рожей, сидит в углу на соломе.

– Радостно тебе, морда поганая? Лыбишься? Так хочется на мне жениться? – злобно вопрошаю я.

– А у меня был выбор? – спрашивает – отвечает Мирко – И да,

рад я! Свой дом будет! Поживи, как я, будто собака бесхозная, так на ком хошь женишься! За свободу и хоромы!

– Ах ты... – ору я, и бью жениха ногой, впечатывая его тощее тело в угол. Закрывает локтем голову... У-у, никчемный!

– Доволен, говоришь? Да ты мечтать будешь вернуться в этот хлев, тварь вонючая!

И выскакиваю во двор. Боюсь, прибью! И прибила бы, если бы не приказ батюшки беречь и охранять...

Продолжая кипеть от злости, иду по двору, задрав подол чуть ли не до колен – неудобно ходить в сарафане, мешает! И побоку, что на меня слуги дворовые таращатся!

Неожиданно, слышу голос Судислава:

– Богданка!

Оглядываюсь, вижу ненаглядного и бегу к нему навстречу! Хочется обняться, прижаться, пожаловаться...

Но просто останавливаюсь напротив – люди смотрят. Обнимание с княжичем – это не задранный подол. Не стану его позорить!

– Богдана! – повторяет Судиша, тоже не подходя близко – Ты не переживай! Он же не муж, а так...

Делает шаг, и говорит в полголоса, почти шепотом:

– Я буду приходить к тебе! Да что приходить – уходить от тебя не буду! Зиму переждем, а весной опять поход! Вместе отправимся!

Смотрю в любимые синие глаза, полные сочувствия и печали...

Красив Судислав! Высоченный, больше меня, плечи широченные! Мышцы как каменные булыжники! Руки сильные, ласковые – мне ли не знать...

Лицо приятное, круглое, как ясно солнышко! Кудри светлые до плеч, а борода и усы темные... Красив мой Судиша! Только... мой ли?

– Как скажешь, княжич! – бормочу, сдерживая слезы, и иду мимо...

Плачу я своей светелке, обнявшись с Айкой.

– Горе-горькая я, да горемычная! – вою.